

В НЫНЕШНЕМ году отмечает-
ся 120-летие со дня смерти
Фридриха Шопена. В связи с этой
датой в Польше, ГДР и других со-
циалистических странах начались
серии шопеновских концертов, ор-
ганизируются выставки нотных и
книжных изданий, посвященные
композитору.

О современных судьбах шопе-
новского творчества рассказывает-
ся в нашей очередной беседе.

* * *

Музыке свойственны безгранич-
ные выразительные возможности,
особая глубина постижения внутрен-
него мира человека. Есть и еще
одно свойство, которое таит в себе
каждое музыкальное произведение, —
богатство вариантов истолкования,
в результате которых одно и то же
сочинение может выразить множе-
ство оттенков душевного состояния
человека. Исполнитель является
как бы вторым творцом музыки,
связующим звеном между слушате-
лем и сочинением. «Жизнь музы-
кального произведения — в его ис-
полнении». — справедливо утвер-
ждал выдающийся советский иссле-
дователь музыки академик Б. В.
Асафьев.

Каждое поколение ищет и нахо-
дит в музыкальных стилях, отдель-
ных сочинениях нечто свое, близкое,
соответствующее времени. История
знает немало примеров подъема и
спада интереса к творчеству даже
великих композиторов: десятилетия
ждали признания последние кварте-
ты и сонаты Бетховена, Моцарта не
играли в конце XIX века из-за от-
сутствия в его сочинениях внешней
виртуозности, сонаты Шуберта пер-
вым осмелелся исполнить на астра-
де великий немецкий пианист Артур
Шнабель в начале XX века, лет че-
рез восемьдесят после их создания.

ШОПЕН-

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ПРЕКРАСНОГО

Беседа 16-я

Пожалуй, лишь Фридрих Шопен не
испытал таких превратностей, и му-
зыка его одинаково горячо воспри-
нималась всегда, всеми народами, на
всех континентах. Безупречная, яс-
ная красота его творений впечатляет
сразу, подчиняет себе, доставляя
радость и удовольствие, облагора-
живая человека. Но — любопытное
противоречие: при такой всеобщей
отзывчивости на его музыку именно
Шопен вызывал и продолжает вы-
зывать наиболее ожесточенные спо-
ры, касавшиеся истолкования его
сочинений. В нынешнее время осто-
рота споров «вокруг Шопена» не
только не спала, но достигла особог-
го накала.

«Зерно» противоречий заложено
прежде всего в самом творческом
облике композитора, обстоятельствах
его биографии. Шопен — сын Поль-
ши. Его творчество истинно нацио-
нально, оно польское от первой до
последней ноты. Вместе с тем Шо-
пен и сын Франции, где он провел
половину жизни, культура которой
формировала его гений. В необы-

чайной отточенности стиля, совер-
шенном контуре линий, изысканно-
сти, изяществе, утонченности нельзя
не усмотреть влияния французских
вкусов и нравов обогащенной
веками французской культуры.

Истоки шопеновского творчества
следует искать в классике XVIII
века. Композитор сам подчеркивал
свою любовь к Баху и Моцарту. Но
он и романтик, сформировавшийся
в атмосфере романтического иску-
ства. Понятно, почему издавна шо-
пеновскую музыку считали, по опре-
делению А. В. Луначарского, захва-
тывающим выражением этого стиля.

Необычно складывались отноше-
ния Шопена с публикой. В эпоху,
когда другой гений фортепианного
искусства Ференц Лист утверждал
ораторский пианизм, Шопен, наобо-
рот, ограничивал свою аудиторию.
Его игра — тонкая, нервная — адр-
есовалась сравнительно узкому
кругу ценителей. На исполнитель-
скую манеру Шопена влияла и диле-
тельная, тяжелая болезнь, не позво-
лявшая ему выступать часто, играть
мощно. Он вынужден был ограни-
чивать себя. Лист же смело выдвигал
иной подход, слышал и выра-
жал в музыке Шопена драматиче-
ское напряжение, острые коллизии,
виртуозный эффект, убежденный,
что в сочинениях композитора со-
держалась предпосылка и такого ис-
толкования.

Деятнадцатый век передал два
длительных суждения о Шопене,
казавшиеся аксиомами. С одной сто-

Выходной Ленинград
с. Ленинград

1 * 7 ИЮН 1969

НАШ СОВРЕМЕННОК

роны, о нем говорили как о мастере только небольших сочинений, миниатюр (замечательные сонаты недооценивались), с другой — его романтизм связывали почти исключительно с тоской по родине, с обстоятельствами личной жизни. Романтизм низводили часто до слезливости, sentimentalности, примитивной чувствительности. Такой «романтизм», естественно, вызывал протест многих музыкантов. С критикой крайностей романтизма выступил еще в 1910 году А. В. Луначарский.

Требовались немалые усилия, длительное время, стечение благоприятных исторических условий, чтобы очистить музыку и облик Шопена от чуждых наслоений. В этой борьбе передовые шопенисты опирались на творчество ряда замечательных композиторов — Скрябина, Глазунова, Лядова, Дебюсси, Шимановского, которые были преемниками традиций Шопена.

Важное значение в истории шопенианы первой четверти нашего века имела также деятельность некоторых выдающихся польских пианистов, поставивших пропаганду сочинений Шопена в центр своей работы, уделявших им исключительное внимание, — Иосифа Гофмана, Игнацы Падеревского.

Цикл из двадцати одного концерта, сыгранный Гофманом в России 1912—1913 годах, включал 103 произведения Шопена, что составляло более трети программы.

«Его Шопен, — вспоминал один из последователей Гофмана, — не был гордым и высокопарным поляком, пристукивавшим каблучками в полонезах и мазурках, высокопарным в балладах, мечтателем со взором, устремленным к небу, в ноктюрнах. Как раз напротив: у Гофмана Шопен словно сидел рядом с нами, чтобы поведать без притворства свои мечты, надежды, радости и горе».

Концертная деятельность другого великого шопениста Игнацы Падеревского началась в Париже. Небезинтересно, что среди первых поклонников Падеревского была Мария Кюри-Складовская. Выдающийся русский композитор и музыкальный критик Дезарь Кюи писал, что игра Падеревского «отличается необыкновенной законченностью, отделкой деталей не в ущерб целому, грацией, изяществом неотразимой прелести, в ней есть задор, увлечение, блеск...» «Секрет» воздействия Падеревского на слушателей заключался в редкой, исключительной артистичности, своего рода «магии игры», завораживавшей людей.

В 1910 году на съезде польских музыкантов Падеревский выступил с шопеновской речью. Поводом явились торжества столетия со дня рождения композитора, совпавшие с открытием в Кракове памятника героям Грюнвальдской битвы. Примером прошлого Падеревский пытался ответить на тогдашние злободневные вопросы польской действи-

тельности. При этом, однако, он сужал интернациональное значение шопеновского творчества. Передовая часть польской интеллигенции справедливо усмотрела в его позиции опасность национальной односторонности.

Зная нового, вторичного открытия Шопена поднял великий польский композитор двадцатого века Кароль Шимановский. Он решительно утверждал, что прежде всего необходимо освободить Шопена «из плен всяческой sentimentalной риторики, на протяжении целого столетия обволакивавшей его мушью», осознать дороги, «ведущие к независимости польской музыки». Шимановский ратовал за интернациональный смысл шопеновской поэзии, ее классические основы, за естественность, правдивость игры.

Статьи Шимановского о Шопене, печатавшиеся в двадцатые-тридцатые годы, привлекли внимание пианистов. Мысли Шимановского нашли практическое воплощение в искусстве шопенистов разных стран.

Важную роль в развитии шопеновской культуры двадцатого века сыграло учреждение варшавских музыкальных конкурсов. Конкурс 1927 года ознаменовался первым триумфом советской музыкальной школы: победителем его стал юный тогда ученик К. Игумнова — Лев Оборин. Игру его Шимановский приветствовал как ярчайшее осуществление своих идеалов. «Ему не

грешно поклониться, ибо он творит красоту», — писал Шимановский о советском пианисте.

В тридцатые годы советская школа стала ведущей в мировой шопениане. Немалую роль здесь сыграли педагогика и исполнительство Г. Нейгауза. Возвышенно и страстно звучала музыка Шопена в его трактовке. Пианист подчеркивал в сочинениях композитора глубину раненой гордости больного, но мужественного человека, чувство надежды, призыв к справедливости. В тридцатые-сороковые годы советские слушатели наслаждались великолепным исполнением сочинений Шопена целой плеядой замечательных артистов — Софроничим, Гинзбург, Тамаркиной. Это была пора расцвета искусства Оборина, Зака. Шопен входил в советское искусство как композитор героики, трагизма, мятежной силы.

Во время второй мировой войны нацисты сжигали сочинения Шопена на кострах, уничтожили в Варшаве памятник композитору и запретили исполнение его произведений. В оккупированных странах концерты из произведений композитора проходили нелегально. Музыка Шопена сопровождала тайные собрания патриотов. В Польше на таких собраниях антифашистов играла Софья Познанская-Рабцевич — ученица Антона Рубинштейна.

В 1949 году народная Польша с особой торжественностью возродила

конкурсы имени Шопена. Первыми послевоенными лауреатами стали советская пианистка Белла Давидович и польская — Галина Черны-Стефаньска. Интенсивно развивается мировое шопеноведение. В Варшаве возрождается Институт имени Шопена — центр научных музыкально-исследовательских исследований. Только в Советском Союзе за первые пятнадцать послевоенных лет выходят двадцать книг о Шопене — специальных и популярных, в том числе фундаментальная монография ленинградского ученого Ю. Кремаева. Изучением творчества Шопена успешно занимаются многие любители музыки — писатели, поэты, общественные деятели.

Актуальной является проблема связей современной музыки со стилем Шопена. Как бы далеко ни стояло современное творчество от Шопена, оно все же сохраняет с ним в лучших образцах общность. Простота и ясность стиля должны быть присущи истинному новаторству. Злободневной становится этика Шопена. Его бескомпромиссность, строй чувств, метод, мышление. Актуальными остаются его борьба с формальным традиционализмом, отношение к содержанию и форме, чувству и интеллекту, фантазии и самодисциплине. Новаторство передовых композиторов нашего времени питается народным искусством так же, как питался им Шопен: не подражая, а проникаясь духом народной песенности.

Эта направленность и делает Шопена композитором двадцатого века, нашим современником.

Софья ХЕНТОВА